

Для чего нужна школа?

Зачем нам нужна школа? Ну, для начала, нам — это кому? Родителям, детям, педагогам, государству, обществу? Хорошо, если все эти ответы более-менее совпадают. А если они в разные стороны торчат? Мне кажется, у нас сейчас именно так.

Но давайте хотя бы о детях, сегодняшних и завтрашних. Дети, как это ни забавно, ожидают (с каждым следующим классом все меньше, правда), что школа будет их учить — и научит чему-то нужному и важному для будущей жизни. Тут сразу вопросы. Я некоторое время назад в одном выступлении сказала, что 90% всего того, чему учит школа, в жизни не нужно. В ответ была волна праведного гнева, в основном от педагогов. Мол, как же так, знания важны и нужны, и знать нужно больше и лучше. «Коммунистом можно стать только тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» (В. И. Ленин). Это в нашем детстве на каждой школьной стене было написано, в мозг впечаталось. Автору вообще удавался жанр «пафосные глупости на стену». Жаль, что сам, вместо того чтобы сидеть в библиотеке, на броневику полез.

Но давайте серьезно. Какой процент школьной программы остается в голове хорошего ученика, но не фаната предмета, в ситуации без отягчающих обстоятельств (сложности с обучением, конфликт с учителем и т. п.)? Буду показывать на себе, я не суеверная. У меня как раз есть такой пример, можно сказать, чистой слезы — мои отношения со школьной химией. Будучи в общем и целом почти отличницей, химию я не любила и не понимала (не знаю почему, ни с физикой, ни с математикой такого не было). При этом учительница наша Анна Сергеевна была просто чудо, ее обожали все как один: очень добрая, деликатная, с юмором и всегда была рада нас всех видеть, что бы там у нас ни было с химией. Кто хотел — мог взять у нее все, ее ученики выигрывали олимпиады и поступали в самые крутые вузы. Я даже с удовольствием ходила на кружок по химии, чтобы пообщаться с ней и с ребятами, хотя мало что соображала. На выпускном экзамене я намертво зависла на простейшей лабораторке (спасибо, помогли), а цикл производства серной кислоты я рассказала, потому что выучила — память хорошая.

“Мне в обычной жизни хотелось бы понимать про химию больше. Например, практикум по выведению пятен подручными средствами был бы интересен. Или рассказ о том, что происходит при приготовлении и усвоении пищи.”

Что я сейчас, через 30 с лишним лет, помню и знаю из химии? Про таблицу Менделеева в целом понимаю, как устроена и почему это круто. Про молекулы-валентности. До этого места мне химия вообще нравилась, потому что была по сути физикой. Дальше более смутно. Про то, что есть кислоты, щелочи и соли, а еще оксиды. Про разницу между органикой и неорганикой — в общих чертах. И что-то про растворы, моль и число Авогадро, но, если гляну в Википедию, быстро разберусь. Понимаю в целом, как действуют мыло и разрыхлитель теста и почему яйцо варится. Как-то так. Конечно, никакой ЕГЭ по химии я бы даже на два не написала и детям с домашними заданиями помочь никогда не могла.

Сейчас я понимаю, что это очень неплохой результат. И Анна Сергеевна была действительно прекрасным учителем, который сумел не любящему предмет ученику дать общее представление и разъяснить главные мысли. Но. Если честно, какой это процент программы (не по значимости, по часам и объему текста в учебниках)? Мне кажется, 10 и есть. Сколько реально времени нужно, чтобы донести эти знания для среднего ученика? Моя оценка — максимум 20–30 часов. Это так, чтобы точно понял, чтобы запомнил на всю жизнь и даже что-то успел применить на практике. Абсолютно достаточно.

Тогда у меня вопрос: зачем было все остальное? Зачем было 4 года по два урока в неделю (это в 8–10 раз больше)? Цикл производства серной кислоты зачем был? Зачем были сотни задач и превращений, от одного вида которых меня начинало мутить? Зачем была нервозность и бессонные ночи перед экзаменом, и впахивание в свою голову «через не могу» остальных 90%? С другой стороны, мне в обычной жизни хотелось бы понимать про химию больше, чем только про мыло и разрыхлитель теста. Например, практикум по выведению пятен подручными средствами был бы интересен. Или рассказ о том, что происходит при приготовлении и усвоении пищи — с точки зрения химии. Или про то, что и как действует на организм человека и на окружающую среду, какие-то основы фармацевтики и экологии. И пусть бы даже в процессе рассказа формулы появились на доске, но их не требовалось бы заучивать и воспроизводить на контрольных. Вот за такую химию я была бы очень благодарна. Она не осталась бы у меня в памяти вызывающим оцепенение комом, из которого торчат куски непонятных формул и только внутри где-то есть суть и смысл. И пожалуй, еще часов пятьдесят я бы на такое накинула .

“Важные 10% у большинства детей не остаются в головах, заваленные, замусоренные множеством лишнего, сдобренные отвращением и тоской.”

Вот что я и имею в виду, когда говорю, что большая часть содержания школьных программ не соответствует потребностям учащихся. Она там не для них. Она там только потому, что школе индустриальной эпохи удобно было учить всех одинаково, делать хороших инженеров для ВПК и успехами тех, у кого «шло», оправдывать страдания всех остальных.

Требование «всем и все знать как следует» выполнимо только при условии лицемерия. Ну, знаете, делаем престижную школу, отбираем туда по конкурсу самых умных и мотивированных и грузим их безбожно, юный сильный мозг многое стерпит. Потому что как же человек без знания того и этого, и еще, как говорила моя мама, «миллиона нюансов». Уберите у ратующих за «все и как следует» право отбирать только «обучаемых» детей — и все, приплыли. Всех и всему невозможно учить без насилия и/или имитаций.

Главная проблема-то не в том, что 90% не нужны. Это дело такое, мало ли всякого вливается в голову за жизнь — неизвестно заранее, нужного ли. Гораздо хуже, что те самые важные 10% у большинства детей не остаются в головах, заваленные, замусоренные множеством лишнего, сдобренные отвращением и тоской. Все вместе

сливается в одно непонятное и мутное нечто, что нужно в себя впахнуть, до экзамена дотерпеть, а потом с облегчением выплюнуть.

Три четверти первокурсников гуманитарных вузов (причем приличных вузов) не в состоянии с ходу объяснить, почему $3 \times 4 = 4 \times 3$. То есть они помнят текст про перемену мест множителей, но на просьбу доказать это зависают надолго. Больше половины затрудняются объяснить, почему бывают зима и лето. Или зачем нужно разделение властей в государстве. Нормальные дети, сдавшие ЕГЭ. Запомнившие тонну всего, часто в ущерб своему здоровью и развитию.

“В том подходе, в котором работала «сильная» советская школа и работает «сильная» сегодняшняя, хороший учитель является прежде всего жрецом знания.”

Поэтому, если мы говорим про знания, хорошо бы школа учила не многому о многом, а главному о главном. Но этому действительно учила каждого, любыми доступными способами. В лицах, на пальцах — как угодно, но основные вещи должны ясно понимать все. Не просто знать, а уметь объяснить и доказать другому, уметь применить не в решении задач на экзамене, а в реальной жизни: рассчитать размер, прикинуть количество, сопоставить и проверить факты, составить внятную инструкцию. При этом множество освободившихся часов можно будет потратить на то, что данному человеку действительно интересно и о чем он хочет знать больше. Еще останется время, чтобы узнать что-то не о предметах, а о себе. Да, это несовместимо с классно-урочной системой, созданной в 17-м веке. И несовместимо с квалификацией большинства сегодняшних педагогов, от которых только один запрос: заберите у детей гаджеты и объясните им, что они должны сидеть смирно и слушать нас. А мы будем делать только то, что умеем и привыкли.

Вопрос о содержании и объеме программ совсем не самый главный. Сколько дискуссий прошло в последнее время: писать сочинение — не писать, хорошо ЕГЭ или плохо, нужны электронные журналы или нет. Школа замучена множеством формальных и суетных «реформ», которые не дают остановиться, оглянуться. А остановиться уже пора, разрыв между образованием и жизнью растет, становится угрожающим. Уже очень-очень пора подумать о более важных и глубоких вопросах, таких как цель образования: для кого оно, для чего.

В том подходе, в котором работала «сильная» советская школа и работает «сильная» сегодняшняя, хороший учитель является прежде всего жрецом знания. Вот есть Великая Литература или Потрясающая Физика, которую человек любит и знает. И ученики для него — сосуды, в которые можно это сокровище поместить, чтобы они несли и передавали дальше. Чтоб не растеряли чего ценного по дороге, упаси боже. Дети здесь, при всем к ним хорошем отношении, лишь средство. Не роман Толстого — то, о чем мы говорим с ребенком, чтобы он лучше понимал жизнь и себя, а ребенок — тот, кому нужно донести величие романа Толстого, чтоб ценил.

“Настоящая революция образования случится тогда, когда целью станет ученик. Даже не его знания, умения и навыки, а он сам.”

И вроде нет в этом ничего плохого, ведь школа и есть институт для передачи культуры населению, для создания в обществе единого языка, единого культурного багажа. Но это с точки зрения общества и «сильного» педагога. А дети обычно не хотят быть средством. Не любят они этого. И заодно начинают не любить Толстого или физику.

Тем более что многим педагогам не хватает доброты или культуры, чтобы не гнобить детей, из которых выходят недостаточно прекрасные сосуды, не соответствующие уровню сокровищ. (Вынесем сейчас за скобки работников системы образования, для которых ни дети не важны, ни знание, а только чтоб начальство было довольным.)

Конечно, всегда и везде были учителя, которые не размещали сокровища в детей, а приходили именно к детям, в том числе чтобы поделиться сокровищами. Но это был их личный выбор, их особенность, и в школе они всегда выделялись. В сегодняшней «оптимизированной» и забюрократченной школе им совсем трудно. Полторы ставки с этим несовместимы.

Хотя если говорить о том, для чего нужна была бы школа детям, то вот для этого. Для встречи ребенка с учителем и с самим собой. И с сокровищами, конечно, но в субъектной позиции, а не в роли сосуда. Настоящая революция образования случится тогда, когда целью станет ученик. Даже не его знания, умения и навыки, а он сам. Когда с ним будут планировать его образовательный маршрут, его цели и задачи. Анализировать его сильные и слабые стороны и учить сочетать слабые и сильные стороны разных людей так, чтобы в команде они добивались большего. Но для этого нужно уметь договариваться и решать конфликты, и этому будут учить тоже.

***“В школе, где ребенок – цель, важно будет не «сделал — не сделал, верно — не верно», а «сделал ли так, как хотел, и что помешало сделать лучше, и что собираешься сделать иначе в следующий раз».*”**

С учеником будут говорить не про то, что он должен, а что он хочет и что он может. Про то, как преодолевать «не хочу» и как переживать неудачи. Как справляться с завистью к более талантливым и с презрением к менее способным. Как не бояться предъявлять миру свои мысли и работу, как принимать критику. С ним будут обсуждать то, что он читает или смотрит сейчас, над чем плачет или ломает голову, а не то, что сейчас положено «по программе».

В такой школе без проблем смогут рядом учиться дети очень разные, и инклюзия перестанет быть лживым словом, прикрывающим экономию бюджета. Потому что учителя будут не детей подгонять под заданную планку, а ставить и брать планки вместе с ними, с каждым ребенком или каждой командой — свою. И кстати, из такой школы будет органично совершать вылазки или к себе приглашать жрецов Великого Знания и Большой Культуры, чтобы какие-то дети с восторгом разделили с ними их служение и изучили в сотни раз больше, чем обязательный минимум. А остальные имели бы право пожать плечами и пойти по своим делам.

И еще в такую школу можно будет возвращаться потом, чтобы что-то доучить. Про что только теперь понял, что без этого жизнь не полна. Почему бы вечером ей не открывать двери взрослым, которые хотят наконец понять, что там с этими

логарифмами,

или

освоить

сольфеджио?

Пока писала, ужас как захотелось пойти учиться в такую школу. И есть парадоксальное чувство, что она, с одной стороны, недостижимо далеко, с другой — как будто совсем рядом.

Источник: Психолог Людмила Петрановская